

Клара Лучко,
народная артистка СССР

Нас зовет дорога

Дорога от города Шахты к Усть-Донецку... Теперь я знаю здесь каждый поворот — так породнила меня актерская судьба с донским краем, связала накрепко и неразлучно.

Где-то в середине пути дорогу бросает вправо, излучина выносит ее на площадку, что раскинулась на высоком речном крутояре, и глазам открывается чудо. Дух захватывает от распахнутого навстречу простора, света какого-то необыкновенного, излучаемого рекой, в которой отражается небо.

Дон... Река как бы захватывает все пространство окрест, на пологих ее берегах в утренней размытой дымке примостились станицы и хутора, петляют проселки по полям и лугам, и островерхние пирамидальные тополя, как казацкие сторожевые вахты, возвышаются над зеленым разливом садов.

Тихий Дон... Веет от него величавым покоем, а в душу вливается радость и мироотворение.

Впервые чудо открылось моим глазам и сердцу десять лет назад, и не думала, не гадала я в ту августовскую пору, что придется свидеться вновь... При том не раз, не два... Не думала, не гадала, что дорога эта станет и моей, как дорога к родному дому. И всякий раз, когда останавливалась здесь, сердце замирало от предчувствия красоты.

Тогда, в 1976 году, ехала по этой дороге к Анатолию Вениаминовичу Калинин. Много гостей собралось в Пухляковке, журнал «Огонек» проводил творческую конференцию по произведениям писателя, и все мы, ее участники, близко прикоснулись к миру его ярких и самобытных героев.

Есть у Калининны запомнившиеся мне строки. Они из книги «Время Тихого Дона», программной книги писателя.

«Вот и опять с утра передо мной стремя Дона. С яра, к которому прильнул наш казачий хутор, схожу к воде. Взмывающая из-за острова заря пламенеет сквозь ветви верб и тополей, а приулегший было за ними ветер задует из-за островного леса с новой силой. И вдруг так зримо покажется, что это сам ветер времени летит на крыльях зари, ухватившись за гриву выгравшего в своих берегах Дона».

В день встречи мы бродили с Анатолием Вениаминовичем по берегу и вспо-

минали давнее наше знакомство, начавшееся еще со спектакля «Суровое поле» в Московском театре-студии киноактера. Еще тогда, поздравляя меня после премьеры, он обронил походя:

— Я гляжу на вас и вижу Клавдию Пухлякову из «Цыгана»...

Помню, ответила, что сама я из казачьего рода, с хутора Лучки под Полтавою...

Тот разговор невольно вспомнился спустя годы и, хотя прошел по экранам снятый Евгением Матвеевым фильм «Цыган», как-то незаметно завязался разговор о телевизионном сериале, который мог бы вобрать в себя более полно и емко всю яркую и многострадальную, но полную веры, надежды и любви историю Будулая и Клавдии. То был еще робкий замысел, и мы сами не предполагали тогда, сколько нам предстоит потратить сил, прежде чем цель будет достигнута.

Кино — не только творчество, но и сложное производство, у него свои законы и сроки. И к тому же у каждого замысла есть друзья и недруги. Мы понимали это, и потому разговор наш на берегах Дона был лишь мечтой. Но стремя Дона уже позвало нас в дорогу, которая и в самом деле началась у порога калининского дома.

Прямо от порога

Нас ведет дорога,

Как детей заботливая мать...

Помните эту песню, которая звучала в первых четырех сериях «Цыгана»? Она для нас, причастных к созданию фильма, имела и особый потаенный смысл. От донского порога, через трудности — к победе!

Спустя три года режиссер Александр Бланк приступил на Одесской киностудии к первым съемкам. Так что дорога только к подступам серии заняла у нас ни много ни мало — целых три года. И все это время я жила думами и заботами Клавдии, моей будущей героини.

Сразу же возникла главная проблема: где найти актера на роль Будулая. Образ этот, один из самых любимых образов писателя (а теперь и миллионов телезрителей), настолько сложен, неординарен и ярок, что очень трудно было подыскать актера, который нес бы в себе то, что так прекрасно, психологически тонко и точно передано было в романе Анатолием Калининным.

Проб было очень много. Увы, ни одна из них не радовала. И вдруг я вспомнила, что однажды, на молдавской студии в картине «Корень жизни» режиссера Николая Гибу моим партнером был актер Михай Волонтир.

Послали в Молдавию сценарий, и вскоре приехал актер. Пробы вышли удачными — перед нами был Будулай. И тогда, когда съемки начинались, и сейчас, когда зрители увидели все восемь серий, я должна сказать: Михай Волонтир — одна из главных удач мно-

Американцы
вспоминают
с замиранием
сердца
и правду

7, с. 105

госерийного фильма. Огромная популярность, отклики тысяч зрителей подтверждают это.

И вот снова та же дорога к Усть-Донецку. Снова излучина выводит нас на берег Дона, как и тогда, останавливается на площадке машина, я выхожу — и все повторяется как в первый раз. Но смотрю я на все это уже другими глазами — я приехала на съемки.

Сколько раз я не просто перечитала роман, я проигрывала каждую его страницу. Я была уже не Кларой Лучко, а Клавдией Пухляковой, и потому я чувствовала, что приехала домой.

В тот год ранней весной необычно сильным был разлив Дона. Даже кузня Будулая, где мы должны были снимать несколько сцен, и та долго еще была под водой.

Жили мы в Усть-Донецке. Снимали в Пухляковке, Константиновке, там, где поселил героев писатель.

Мне думается, что место, где живет человек, не может не оставить следа в его душе. Наверное, поэтому особая красота и чистота природы, естественность бытия не могли не отразиться на жителях станиц, с которыми нам приходилось встречаться. Они с самого начала проявили внимание и интерес к работе киногруппы. И этот интерес не был праздным — было подлинное безразличие и к судьбам наших героев, и к нам самим. Все это создало особую атмосферу на съемочной площадке, вызывая в нас чувство благодарности. Но чувствовали мы и пристальные взгляды: пришлось пройти своеобразную проверку среди людей, судьбы и характеры которых столь созвучны нашим героям.

Клавдия Пухлякова — из поколения женщин, жизнь которых была изломана войной и разрухой. Эти вечные невесты, жены, совсем молодыми ставшие вдовами, воспитали детей, своих и чужих, познали столько горя и разочарования, но сохранили в душах своих доброту, чистоту и надежду. Сколько тепла, сочувствия и сострадания видела я в глазах этих женщин, и, может быть, поэтому так легко, трудно и счастливо было мне работать над этой ролью.

Для актера большое значение имеет обстановка, в которой живет его герой, одежда, предметы, что его окружают. Дом Клавдии Пухляковой мы снимали не в декорациях. Внешний вид дома снимался около старого куреня. Ему 130 лет, в нем все эти годы живет одна семья — когда мы работали там, старшей ее представительнице было 90 лет. В доме этом присутствует, утраченный, к сожалению, в городе дух преемственности поколений, устойчивость уклада быта, то, что составляет основу семьи, крепость ее, верность, столь необходимую каждому живущему на земле.

Интерьер снимался в другом доме, арендованном у колхоза. Надо было обставить дом, сделать его «живым». Это должен был быть дом Клавдии. Жизнь дома — это ведь не стены, это вещи,

которые годами сопутствуют человеку, наживаются им, из них тоже во многом складывается биография героя фильма.

Станичники стали сами приносить нам мебель, домашнюю утварь. Они с любовью и пониманием обставляли дом вместе с художниками фильма. Советовали, где, что должно стоять, как «полагается», как нет. Когда мы пришли «принимать» дом, я чуть не расплакалась. Таким я его и представляла, этот дом. В таком доме и должна жить моя Клавдия, только в таком!

Помню, мы снимали сцену, когда к Клавдии накануне Дня Победы приходят фотографии, чтобы перенести старую, единственную оставшуюся с давних времен фотографию погибшего мужа. Мы с актрисой Майей Булгаковой сидели за столом и рассматривали фотографии. Потом — согласно сценарию — я должна была встать и подойти к комоду. А над комодом висел старый репродуктор.

Начали снимать. И вдруг, сама не знаю почему, я включила репродуктор. Мне и в голову не приходило, что он может работать, такой он был старый. Я включила — и вдруг услышала песню. Знакомый голос Марка Бернеса (когда-то мы с ним работали в одном театре). Он пел о солдате, вернувшемся с войны к пепелищу, о солдате, потерявшем все.

— А на груди его светилась медаль за город Будапешт...

Все замерли. Кто-то заплакал. И меня это потрясло. Потрясло соответствие реальности, правда того, что происходило в кадре с правдой «закадровой», истинной правдой жизни.

Анатолий Вениаминович Калинин несколько раз приезжал на съемки. Он старался не вмешиваться, не «давить» на нас, хотя мы и чувствовали его зоркий глаз. Однажды после окончания рабочей смены он пригласил всю группу в гости. Атмосфера дома, стоящего на самом берегу Дона, удивительные рассказы запомнились всем надолго.

На небольшие роли, для участия в массовых сценах мы приглашали местных жителей. И всякий раз я удивлялась тому, как удивительно просто и естественно входили они в атмосферу съемок, создавая своим присутствием особый настрой, особую обстановку, настолько близкую к действительности, что и нам, профессиональным актерам, легче было работать. И потому некоторые сцены обретали большую жизненность, становились ярче и драматичнее, чем это было написано в сценарии.

Станичники, бывало, и молоко на съемочную площадку принесут, и ягод из своего сада нарвут, стулья из дому вытащат (мы ведь целый день были на ногах), и все это искренне, по-человечески тепло.

Так же внимательно заботились о нас райком партии, исполком райсовета. К кому бы мы ни обращались — все нам шли навстречу. «Это ведь наша

картина», — часто говорили нам.

Приехали мы в Усть-Донецк ранней весной, еще не распустились деревья, только что вспаханные поля чернели, а уезжали поздней осенью, когда облетела листва с деревьев...

Мы уезжали, оставляя часть души на берегах Дона, расставаясь с людьми, которых мы успели полюбить, прощаясь с героями, ставшими частицей нашей жизни. И хоть предстояла еще очень большая, чисто кинематографическая работа: тонировка, монтаж, озвучивание и т. д., мы, остановившись у знакомой излучины дороги, попрощались с Доном, как нам казалось тогда, навсегда.

В 1980 году четырехсерийный фильм «Цыган» был впервые показан по Центральному телевидению. Фильм был очень дорог всем нам, и так хотелось, чтобы не остались равнодушными зрители у телеэкранов. Но, признаться, такого громадного — не побоюсь этого слова — зрительского успеха мы не ожидали.

Вспоминаю такой забавный эпизод. После демонстрации двух серий был перерыв на один день (транслировался футбол). И вот вечером раздается звонок по телефону. Звонит какой-то незнакомый мужчина и очень сердито говорит: «Клавдия Петровна, неужели вы выйдете замуж за этого полковника?» Я ему отвечаю полусерьезно: «Подождите день — и увидите сами». «Так завтра же футбол!» — сказал он. «Вот и дайте мне один день на размышление», — пришлось ответить мне.

Людей взволновали судьбы героев. После показа фильма потоком пошли письма. Тысячи писем! Нас благодарили, нам объяснялись в любви, но почти в каждом письме высказывалось недовольство: почему нет благополучного финала.

Авторы многих писем рассказывали о своих несложившихся судьбах, а нашим героям желали счастья, считая, что своей верностью, чистотой и добротой они заслужили его. Нам присылали разработки сценариев, предлагали сюжеты о том, как должны встретиться Клавдия и Будулай, как счастливо они должны жить. И пусть нередко это звучало наивно, и жизненные обстоятельства в письмах идеализировались, людьми двигало великое чувство доброты. А это, на мой взгляд, самый важный итог работы! Искусство должно пробуждать доброту в сердце человека, чтобы он желал другим лучшей судьбы, чем его собственная, желал без горечи и зависти к чужому счастью. Это для меня было самым дорогим.

Я храню некоторые из писем и по сей день — как память и как награду. Всем ответить было нельзя. Но, может быть, частично и под влиянием подобных писем у Анатолия Вениаминовича Калинина и родилось желание продолжить жизнь своих героев: Клавдии и Будулая.

Часто говорят: телевидение убивает

книгу. Мне думается, это неверно. Те, кто читал «Цыгана», те, конечно же, захотели сверить свое ощущение, посмотреть, какова экранизация. Но я встречала библиотечкарей, и они мне рассказывали, что после демонстрации фильма за книгой выстраивались очереди.

Читатель (а он же и зритель) требовал продолжения. Где-то в глубине души ждала его и я. А в декабре 1984 года был снят первый дубль нового четырехсерийного фильма «Возвращение Будулая». По мотивам «Цыгана» сценарий был написан Натальей Калининой, Александром Марьямовым и Александром Бланком.

Наступили радостные, но и трудные дни.

Прошло ведь несколько лет после первых четырех серий. Оказалось, что продолжать гораздо сложнее, чем начинать что-либо новое. Несколько лет жизни, работы, разные роли...

Так случилось, что сразу же после выхода на экран «Цыгана» режиссер Рудольф Фрунтов пригласил меня сниматься в роли Мадлен Локар в картине «Ларец Марии Медичи». Трудно себе представить более контрастные характеры: француженка, аристократка, участница незаурядной детективной истории и Клавдия Пухлякова. Все разное: от внешнего облика до внутреннего состояния. Мне было очень трудно. Клавдия еще жила во мне — в сердце, в памяти. Но надо было перестраиваться. Работа есть работа, в этом специфика нашей актерской профессии, такой подчас сложной и мучительной, но всегда радостной, если приходит удача.

Потом были другие фильмы. За эти годы я сыграла в кино 14 ролей.

И все же Клавдия жила во мне, да и зрители все эти годы не давали забыть о ней. Везде: на творческих встречах, в поездках спрашивали, не будет ли продолжения «Цыгана», интересовались судьбой Клавдии, говорили о том, что нужен счастливый конец.

Картина «Цыган» шла во многих странах. Помню, как в Югославии, после демонстрации фильма, меня узнавали на улицах, ко мне повсюду подходили, я видела неравнодушие и теплоту в глазах людей самых разных. Наши герои стали близкими многим людям в разных странах. Вероятно, потому, что существуют вечные понятия, — любовь и верность, дружба, чистота человеческих отношений, надежность и доброта.

И вот вновь настало время ехать в Ростовскую область. Когда я пришла на Казанский вокзал, в поезде «Тихий Дон» меня встретили те же проводницы, что и шесть лет назад. Может быть, в это трудно поверить, но это так. И, конечно, мы всю дорогу говорили о «Цыгане», о Клавдии и Будулае. Наши киногерои стали близкими и родными для зрителей, это я знаю твердо.

И снова знакомая дорога к Усть-Донецку.

Все, казалось, вернулось обратно: по-

70-летию
селись
вошла в тот же
милла несколько
да себя
Я

с. 108
Тел.
за
порт.

селились мы в той же гостинице, я вошла в тот же номер, где когда-то прожила несколько месяцев, и почувствовала себя так, как будто не минули годы. Я включила радио и услышала позывные Усть-Донецка. Это была музыкальная тема из нашего фильма... Прекрасная музыка композитора Валерия Зубкова. Увы, его уже нет с нами, ему так и не удалось завершить работу. А музыка, написанная им для фильмов «Цыган» и «Возвращение Будулая», звучит по радио, звучит в душах людских.

Работа над четырьмя сериями фильма «Возвращение Будулая» совпала у меня со съемками в другом телевизионном двухсерийном фильме — «Тетя Маруся», где я тоже играла главную роль. Я должна была сыграть одновременно роли двух женщин с похожими во многом судьбами, но совершенно разных по характеру. Это была нелегкая творческая задача, она потребовала от меня много сил — и духовных, и физических. Времени было в обрез. Жила я практически в поездах, мотаясь из Усть-Донецка то в Минск, то в Ленинград, огромных усилий стоило мне каждый раз сосредоточиться, собраться, чтобы не упустить то главное, что было мне дорого, и в той, и в другой роли.

Но вот пришел март 1986 года. Все восемь серий были показаны по телевидению. И оказалось, что первые четыре серии не только не устарели, а стали смотреться как-то по-новому. Я заметила, что круг зрителей неожиданно расширился: потоком пошли письма от молодых зрителей. Значит, история жизни и любви, история нелегкая, но чистая и звонкая, дошла до сердец, позвала присмотреться к себе, к окружающему миру, задуматься о нравственных проблемах, о цене человечности. Страницы романа Анатолия Калинина, экранная жизнь его героев вдруг стали камерным, по которому миллионы людей настраиваются на волну честности, порядочности, верности долгу и высокой любви. Я благодарна писателю за ту высокую, чистую ноту, которую не только он взял в своем творчестве, но и передал его нам, единомышленникам. Будулай и Клавдия вышли с хутора Пухляковского в большую жизнь, они нужны людям, стали их верными друзьями.

Об этом говорят письма. Поток их захлестнул редакции и нас, актеров. Вот только несколько примеров.

«Мне пятнадцать лет; но Вы не подумайте: откуда, мол, она может знать о войне? Что она вообще знает о горькой судьбе женщин, потерявших на войне своих родных и близких... У меня бабушка во время войны потеряла мужа

и брата и сама вырастила четверых детей». (Б. Насиба, г. Самарканд).

«Я смотрела ваш фильм и плакала. Значит, есть все-таки на свете истинная верность, настоящая любовь... Мне так хочется в это верить» (М. Яковлева, г. Москва).

«Никогда никому в своей жизни подобных писем не писала. А вот после просмотра фильмов «Цыган» и «Возвращение Будулая» я не могла не сделать этого, хотя первый фильм смотрела не раз. Душу мою наполнило какое-то сильное волнение, к горлу подступил комок... Такое сильное эмоциональное впечатление произвела на меня Клавдия, а особенно состояние в последних кадрах фильма, встреча с Будулаем. Никаких лишних движений, а все так естественно, ясно и понятно. Вот уже прошло несколько дней после просмотра фильма, я нахожусь под впечатлением увиденного. Можно и нужно во что-то верить!» (Л. Овчинникова, г. Первоуральск).

Особенно мне было дорого, когда в письмах образ Клавдии вызывал воспоминания о матерях.

«Такой была и моя мама — ласковой, доброй, справедливой. Смотрел фильм и как будто дома побывал». (Г. Ласкин, г. Пермь).

«Судьба Клавдии напоминает мне судьбу моей мамы. Она одна нас, двоих дочерей, вырастила. Мы теперь в городе живем, а она одна в деревне осталась. К сожалению, не часто мы ее навещаем. Смотрела я, и так стыдно мне стало за свое невнимание к ней. Мама нам всю жизнь отдала...» (Е. Ватушина, г. Киев).

«Мне 16 лет. Живу я в Ленинграде. Фильм Ваш не развлекательный, не шоу, в нем нет красивой жизни и модных рок-групп, всего того, что так нравится сейчас молодежи. Но в фильме есть чистые люди, любовь, возвышенная, настоящая. Именно ее сейчас и хочется встретить. Людям так не хватает любви, что-то ушло из нашей жизни...»

Уже не Анатолий Калинин, не мы, актеры, а читатели и зрители додумывают продолжение, размышляют о том, как сложится жизнь Будулая, Клавдии, Вани и даже маленького цыганенка... Помните его, он вместе с раненым Будулаем едет в цыганской кибитке.

Прямо от порога

Нас ведет дорога,

Как детей заботливая мать...

Да, нас ведет дорога, и кто знает, может быть, стремя Дона, крепкое стремя творчества, еще позовет Анатолия Калинина вновь встретиться с Будулаем и Клавдией, ведь им есть что сказать людям.